

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН

ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ВЫПУСК № 34
(1939)

Серия

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ»

ВолНЦ РАН продолжает знакомить своих подписчиков с наиболее интересными, на наш взгляд, публикациями, затрагивающими актуальные вопросы российской экономики и политики.

В выпуске представлена статья М. Артемьева «Зачем Путин вспомнил про приватизацию», опубликованная в «Независимой газете», № 36, 20.02.2021.

Вологда,
март 2021

Зачем Путин вспомнил про приватизацию

Передела собственности не ожидается, уроков на будущее извлечь тоже не получится

Заявление Владимира Путина на встрече с лидерами фракций Госдумы о его отношении к приватизации 90-х стало первым открыто манифестируемым пересмотром отношения в Кремле к священной корове отечественных «реформаторов».

«Мы едины в том, что приватизация сама по себе, ради приватизации, – особенно так, как это делалось, допустим, в 90-е годы по некоторым направлениям, – она неприемлема для нас, – заявил президент. – Она должна быть выгодна для экономики, она должна улучшать структуру экономики... это нужно делать и в условиях определенной конъюнктуры, с тем чтобы за копейки не раздавать то, что стоит миллионы, а может быть, и миллиарды».

Точно так же когда-то прозвучали слова Дмитрия Медведева о том, что в 1996 году на президентских выборах победил не тот, кто остался на второй срок. Но признание проведенной приватизации неприемлемой может иметь куда более важные последствия. Во-первых, это может спровоцировать (в преддверии приближающихся выборов) призыв к пересмотру ее итогов. Во-вторых, притормаживание распродажи еще имеющейся государственной собственности, в том числе пакетов акций. В-третьих, дискредитацию еще остающихся во власти ее активистов, а главное, идеологов, которые по-прежнему сохраняют важные должности в СМИ, науке, образовании. Напомним, что в декабре 2020 года президент назначил Анатолия Чубайса спецпредставителем по связям с международными организациями.

Впрочем, призывать к пересмотру спустя почти 30 лет практически нереально в силу хотя бы того, что большая часть приватизированной собственности не только десятки раз перешла из рук в руки, но и в значительной своей массе просто физически исчезла. И вот на этом хотелось бы остановиться поподробнее.

Когда говорят об «обмане» при разгосударствлении, обычно имеют в виду маленьких людей, вложивших свой ваучер неизвестно во что или продавших его за пару бутылок водки. В те времена нам говорили, что россияне сами виноваты в том, что не получают дивидендов, – мол, надо было продуманно относиться к предоставленной властью возможности. Как это возможно

было сделать в условиях отсутствия традиций инвестирования, развитых институтов фондового рынка, независимых оценщиков и множества других составляющих соответствующей инфраструктуры какой-нибудь пенсионерке, студенту или рабочему – не расшифровывалось. По всем объективным меркам такая спешная кампания по переводу государственной собственности в частную, причем в самых неблагоприятных макроэкономических условиях, когда предприятия массово останавливались, и при отсутствии реальных потребностей к срочному изменению форм собственности, может характеризоваться только как мошенничество.

Но и те, кто, казалось, поначалу нажился на ваучерной раздаче, в очень короткое время поняли, что их обманули. Директора предприятий или нувориши, их скупившие, обнаружили, что собственность, перешедшая в их руки, стремительно обесценивается. Сегодня от большинства заводов, трестов и НИИ уже ничего не осталось. Произшла масштабная деиндустриализация. Причем в первую очередь разорились именно мелкие, нужные людям предприятия – швейные, пищевые, мебельные и т.д. В лучшем случае в крупных городах их удалось продать по дешевке под офисные помещения или склады. Но в провинции и это не удавалось. А проклинаемые гиганты советского ВПК как раз выживали.

Было и другое, редко замечаемое следствие приватизации. В СССР заводы и фабрики не существовали сами по себе, а входили в состав министерств, являясь, по сути, производственными площадками одного гигантского ведомства, выполняя ту или иную задачу. Директор отвечал только за выполнение плана, спускаемого сверху. Отпускать неподготовленные, не имевшие никаких связей и опыта предприятия в самостоятельное плавание было так же глупо, как разбивать завод по цехам и предлагать им конкурировать между собой. Понятно, что это не могло не привести к катастрофе.

Если в мире к тому времени в секторе гражданского авиастроения остались фактически только две компании – «Боинг» и «Эрбас» (плюс сегмент небольших самолетов у «Бомбардье» и «Эм-

браэра»)), то советский авиапром разбили на множество независимых заводов, чтобы те в одиночку пробивались на мировой рынок или удерживали имевшиеся сферы сбыта, да еще конкурировали между собой! То есть самарский завод должен был бороться с воронежским за потребителя и одновременно противостоять «Боингу»! И так в любом секторе, например в автопромышленности в США оставались только две независимые компании – «Форд» и «Дженерал моторс», а у нас их сразу стало около десятка – ВАЗ, ГАЗ, КамАЗ, ЗИЛ, АЗЛК и т.д. На что они могли рассчитывать?

Не случайно действия российского бизнеса последних 20 лет – это, если вкратце, воссоздание советских монополий, соответствующих прежним министерствам или главкам – «Русал», «Ростех» и т.д. Но зачем надо было их разрушать, чтобы затем с такими трудами восстанавливать? Однако для «реформаторов» было принципиально важным именно уничтожить советские вертикальные структуры, ибо они видели в них угрозу себе, своей власти и влиянию.

В 1992–1993 годах много говорилось о том, как заработают замечательно предприятия, перешедшие в частные руки. Сегодня про это никто не вспоминает – большинство приватизируемых заводов, КБ, иных организаций, как было сказано выше, прекратили существование.

Но важным современным моментом является то, что пророки приватизации и их ученики по-прежнему доминируют в экономическом блоке власти, СМИ, на экспертных площадках. Назна-

чение Анатолия Чубайса – тому доказательство. В России до сих пор не проведено широкой дискуссии об экономической политике 90-х годов, не состоялось ее осмысления. Напомним, что Владимир Путин пришел к власти под лозунгом недопущения пересмотров приватизации, а проведенные точечные зачистки олигархов носили неприципиальный характер. Упомянутое воссоздание советских монополий, как в той же алюминиевой отрасли, происходило руками самого бизнеса и по его инициативе.

Так что ближайшее время должно показать – были ли слова Путина сказаны просто как дань вежливости своему визави – Геннадию Зюганову, традиционно поднявшему вопрос о приватизации, или за этим стоит нечто принципиальное? Но если последнее – то какие последствия могут быть для текущей политики? Как уже было сказано выше, «передела собственности» не может быть по определению. Уроков на будущее извлекать не получится в силу того, что распродавать почти ничего не осталось. Единственное, что возможно использовать в текущей политике – это актуализировать споры 90-х с целью дискредитации возможных противников справа, увязки либеральной оппозиции с «реформами» того времени.

Максим Артемьев,
историк, журналист